

Глава 2

Свой первый рабочий день Сергей не забудет никогда. Проснулся он от назойливого и наглого солнечного луча, отразившегося в небольшом зеркале на стене. Щекотание в носу оказалось настолько нестерпимым, что «а-ап-чхи!» прозвучало как выстрел в утренней тишине дома. Сосед по комнате с закрытыми глазами моментально сел на кровати с вопросом: «Ты чего?» – и, не дождавшись ответа, рухнул на подушку, снова погружаясь в недосмотренный сон. А Сергей ясно понял, что ему больше не заснуть, хотя на будильнике было ещё пять часов, и до запланированного звонка пробудки был целый час. Целый час свободного времени! Очень редко выдавались судьбой такие неожиданные подарки. Ценить их научил отец. Он всегда говорил своим детям, когда видел, что сыновья, с его точки зрения «впустую» тратят время на безделицы, – «Помните, у вас займут деньги, их потом вернут, даже утратите здоровье – доктора помогут, но вот время... Время никто вам вернуть не сможет. Оно для любого человека конечно. Мы же не бессмертные...». И Сергей настолько пропитался этой мыслью, что уже на подсознании начал подстраивать ритм жизни на соблюдение этого закона – закона сбережения времени. Поэтому он, не раздумывая, встал с раскладушки, скрутил постель, надел тонкое хлопковое трико и как был в майке осторожно, не желая разбудить Павла, выскользнул за дверь комнаты в переднюю, которая одновременно была и кухней.

А там уже хлопотала Анастасия Семёновна.

– Вы случаем не простыли? Ваше чихание...

– Да нет, что вы! – поблагодарил улыбкой за беспокойство, – я закалённый. А чихнул оттого, что солнце нос расщекотало. Рано оно у вас тут встаёт. У нас осенью в это время ещё сумеречно... Я пойду, умоюсь.

– На улицу? Там же уже не лето, а рукомойник и дома есть.

– Не беспокойтесь, я привычный, и для здоровья полезно, – подтвердил своё желание Сергей и вышел на крыльцо. Увиденное его поразило. Совершенно чистое небо, без единого облачка, но почему-то очень близкое – намного ближе, чем у него дома, так словно он высоко в горы забрался и приблизился к этому фантастическому куполу. Солнце тоже низкое, хоть и яркое, даже ослепительное в такую рань. Темнеющий за домами соседней улицы лес ещё сонный, отдыхает после прошедшей непогоды. Разлитое спокойствие и умиротворение изредка тревожилось от взлаивания собак, да куриного квохтания во дворе. «Вот уж кто действительно живёт по солнцу», – усмехнулся сам себе Сергей и подошёл к бочке с дождевой водой. Снял майку и приступил к священнодействию утренних процедур. Он использовал любую возможность делать это на улице, с удовольствием поливая себя из ковша холодной водой на плечи, согнувшись так, чтобы не намочить штаны. Но они всё равно в итоге всегда оказывались мокрыми. А Сергей продолжал поливать на себя живую воду, вбирая в себя её свежесть и чистоту, и все подспудные тревоги и опасения таяли, как неясные ночные грёзы. На смену им в душе поселялись уверенность и спокойствие – те самые состояния, в которых и надлежало начинать новое дело.

«Новое, – думал Сергей. – Новые люди, новая для меня земля. Сегодня я начну работать. Вот интересно, куда меня направит Осипов? Может для начала попроситься в буровую бригаду, чтобы каждую деталь оборудования через руки пропустить? Подумаешь, диплом института у меня. Практики, считай, нет пока. Учебная не в счёт...» От размышлений его отвлекла хозяйка:

– Сергей Константинович, вы там не замёрзнете? Пойдёмте уже чай пить.

– А, да, спасибо. Сейчас иду, – и он быстро растёрся вафельным полотенчиком, натянул майку и поспешил вслед за хозяйкой.

В свою комнату проскользнул тихо, переоделся в сухую рубашку и брюки и выскользнул на кухню. Висящие над окном часы с кукушкой показывали всего четверть шестого. На столе уже стояла тарелка с горячими оладушками, небольшая миска с вареньем, блюдце со сливочным маслом и две большие фарфоровые чашки с чаем.

– А Павел Васильевич всегда встаёт по будильнику и чай пьёт в семь часов, – пояснила женщина, ожидая, когда новый её постоялец выберет себе приглянувшееся место. Сергей подошёл к ближнему от двери в свою комнату стулу, спросил взглядом разрешение и аккуратно сел. Анастасия Семёновна присела на стул напротив и пододвинула к парню завтрак.

После первого глотка, в котором вкус определил целый букет трав, Сергей почувствовал себя совершенно удовлетворённым течением собственной жизни.

– Вкусно!

– Так вы ещё оладушек не попробовали, а говорите вкусно – удивилась хозяйка.

– Чай у вас вкусный. И оладушки сейчас съем, – улыбнулся он. – Я их очень люблю. Я по ним даже скучал сильно, пока в Тюмени, в институте учился...

– Вы, наверное, всё-таки не по оладушкам скучали, а по дому, – в ответ улыбнулась старая учительница.

– Может быть, – задумчиво произнёс Сергей и вдруг попросил, – Анастасия Семёновна, не надо меня называть на Вы. Молод я ещё, вам не то, что в дети, во внуки гожусь. Мне даже неудобно как-то...

– Хорошо... Серёженька. – Пристально взглянула ему в глаза и уточнила – А так можно? – и тихо добавила, – сын у меня был, тёзка твой. В декабре сорок четвёртого похоронку принесли... – и замолчала. Слёз на лице старой женщины не было, но Сергей всем своим нутром прочувствовал, увидел, как вот уже двадцать лет продолжает плакать душа этой матери, и все краски дня, которые расцветали в нём самом с самого утра, вдруг потухли. Словно их накрыло вчерашней непогодой.

Невольное молчание прервало одинокое «ку-ку» – половина шестого. Анастасия Семёновна встрепенулась:

– Вы простите, меня Серёжа, не хотела вам... – увидев просящий взгляд молодого человека, поправилась, – не хотела тебе портить настроение. У меня внучок – память о Серёже есть, вылитый папа. Ванечкой зовут. Может быть твой одногодка? Он вот тоже нынче институт закончил. Лётчиком стал. Живёт теперь в Тюмени.

– Здорово! – искренне порадовался за незнакомого пока парня Сергей. – Это здорово, когда мечты у человека сбываются. У меня, правда, немного пока не получается, но время-то ещё есть, и всё получится. Уверен! И тогда, как говорит мой папа «Заживём!».

Накативший было сумрак печали, словно испугался этого жизнеутверждающего слова, схлынул, и дальнейший разговор-знакомство потёк плавно и тепло. И прервался он лишь, когда в дверях под звонкое «ку-ку» показался ещё окончательно не проснувшийся Павел. «Добрутр», зевая, пробурчал он и вышел во двор. Вернулся через пять минут уже с жизнерадостной улыбкой. Утро-то действительно доброе начиналось.

На крыльцо конторы они поднялись, когда часы, отцовский подарок на восемнадцатилетие, показывали без пяти минут восемь. Дверь была распахнута, и молодые люди

поспешили вместе с другими людьми. Многие кидали на него любопытствующий, но молчаливый взгляд, одновременно здороваясь с Павлом за руку. Вдруг из кабинета Осипова донеслось:

– Сергей Константинович, вы уже здесь? Пройдите ко мне.

Кивнув Павлу вместо «пока», Сергей поспешил на приглашение. Осипов в кабинете был не один. На стуле, опёршись о стену за спиной, сидел мужчина, в нём Сергей узнал того самого в свитере, который вчера хмыкнул по его поводу. Сейчас он был в типичной «полевой» одежде – в завёрнутых болотных сапогах, обычных чёрных брюках и светлой рубашке, которая виднелась из-под расстёгнутой брезентовой куртки.

– Вот, Владимир Уриелевич, – кажется, Осипов продолжил разговор, начатый ещё до того, как Сергей вошёл в кабинет, – на Баграссе и так всё лето плавали. Сам понимаешь, бурить новые скважины, пока не наступит зима, мы не сможем. А план уже нам довели до сведения... – Увидел Сергея в дверях, – А-а, молодой коллега, проходите, проходите, – и уже к предыдущему собеседнику, – узнаёшь нашего вчерашнего попутчика? Возьмёшь под своё крыло? Пусть осмотрится, освоится, втянется в нашу жизнь. Мне кажется, неплохой парень, вот и диплом у него красный. Пусть сам посмотрит, как отличается теория от практики...

Сергей вдруг понял, что последнее предложение было продолжением прерванной им беседы и к нему не относилось совсем, а было адресовано тем, кто «спустил план», не зная реалий. Осипов тоже понял, что высказанная досада досталась не по адресу и тут же, словно извиняясь за допущенный промах, спросил:

– Ну, как, устроились? Сошлись с Павлом Васильевичем?

– Да, спасибо, – поспешил ответить и с удивлением увидел, как человек в брезентовке изучает его диплом.

– Значит по геологии у вас «отлично», – вдруг задумчиво сказал «знакомый» незнакомец и продолжил, – и процесс бурения тоже для вас ясен... Что ж, давайте знакомиться. Литваков Владимир Уриелевич, главный геолог «Мегионнефти», – вставая, произнёс геолог.

– Бороздин Сергей Константинович, и Сергей немного неуверенно протянул руку, скрепить знакомство. Литваков руку пожал, хмыкнул и неожиданно произнёс:

– Ну, раз вам пока предстоит работать под моим началом... Кстати, в армии служили?

– Да, в погранвойсках.

– О! Замечательно, значит, воинская дисциплина для вас не будет неожиданностью. Так вот, сейчас направляетесь к кладовщику, получаете всё, что вам там положено и через полтора часа жду здесь уже в походной одежде и с запасом продуктов на дня три-четыре, а лучше на неделю. Также возьмёте на складе. Вы, кажется, с чемоданчиком приехали?

Сергей только головой кивнул.

– Эх, романтики, – не то ностальгически, не то укоризненно покачал головой Литваков. – У кладовщика потребуйте рюкзак, скажете, что я велел, а то он всё зажимает. Бережливый, чёрт. Так, вернётесь, зайдёте в соседний с этим кабинет – мой. Жду. Через полтора часа, – и махнув рукой Осипову со словами «хорошо, я понял», резко вышел из кабинета.

Осипов продолжал внимательно смотреть на Сергея, словно ожидая от него то ли рассказа, то ли вопросов. Но вопросов не было. Точнее они были, но не у начальника же

спрашивать, где находится склад, и Сергей также молча и внимательно смотрел на самого первого руководителя нефтепромыслового управления «Мегионнефть», которому по документам было всего месяц с небольшим.

Общее молчание продлилось ещё с минуту, потом Осипов чему-то вздохнул, скорее в ответ на собственные мысли и махнул рукой в сторону двери:

– Идите, Сергей Константинович. Да, не забудьте к кадровику заглянуть, там ваша подпись в документах нужна. Вы пока приняты помощником к главному геологу – Литвакову. Работайте, учитесь, проявите себя – на месте не засидитесь. Нас тут такое ждёт... О-го-го! И... удачи вам.

– Спасибо, Борис Иванович, постараюсь побыстрее научиться. До свидания! – И Сергей быстрым шагом вышел из кабинета, уже простраивая в голове план первоначальных действий: кладовщик, склад, дом и обратно контора. Но сначала надо найти Павла...

Анастасия Семёновна даже руками всплеснула, когда увидела на пороге дома нового постояльца с огромнейшим неподъёмным рюкзаком.

– Серёжа, вы что это такое нагузили?

– А это мне почти всю полагающуюся амуницию выдали и сухпаёк на первое время. Я... – он глянул на свои часы, – уже через сорок минут должен быть в конторе в готовом виде. – И уже из своей комнаты, спешно переодеваясь и переукладывая рюкзак, продолжил громко рассказывать и о своём определении в прямые подчинённые к «суровому» мужику – Литвакову, и о предстоящей возможно недельной поездке на Баграс, и о своих неожиданно сбывшихся ожиданиях. И через десять минут перед Анастасией Семёновной стоял уже совершенно новый человек, в новых скрипучих болотниках, в брезентовой куртке, кажется, он даже стал ещё выше ростом, а лицо его повзрослело.

– Серёженька, вот, возьмите с собой, – протянула она ему обычную сеточную авоську с целой кучей газетных свёртков. – Тут оладушки, я ведь утром много напекла, баночка варенья, хлеб мой, домашний... Вам же понравился? Ну и так ещё немного, чего – лучок с огорода, огурчики малосольные, тоже домашние. Вы там берегите себя...

– Да что вы, Анастасия Семёновна, – от смущения Сергей совершенно покраснел и не знал, куда спрятать свои руки. – Что вы! Я ж на работу, максимум на неделю! – Сбивчиво он объяснял старой женщине, а та только грустно улыбалась.

Так и не избавившись от смущения, он поспешил на улицу, правда, в последний момент вспомнил, что ещё хотел узнать:

– А почта тут далеко? Мне домой надо телеграмму послать, что всё хорошо, устроился и адрес точный сообщить – мне мои вещи из дома должны прислать...

– Почта недалеко от конторы, через три дома по той же улице, подсказала женщина и, махнув на прощание рукой, скрылась дома.

За пять минут до назначенного для него времени Сергей вошёл в кабинет главного геолога.

– Вы даже немного раньше времени, это хорошо, – одобрение вышло одновременно и почти официальным, и по-отечески естественным. Сам Литваков сидел за своим столом, заваленным разными бумагами и свитками. «Карты?» – про себя предположил Сергей, и ему стало жутко любопытно, что там на них. Поймав взгляд, геолог усмехнулся:

– Что, интересно?!

– Да, – не стал отнекиваться Сергей.

– Ну, подойдите, взгляните. – И Литваков развернул один из свитков. – Вот, это план Баграса, летний, а потому примерный, так как там сплошная вода. Да вы сегодня и так, на месте увидите. Сейчас вот только ещё два человека подойдут и поедем...

Рюкзаки закинули в кабину к водителю, а сами, вчетвером, как и в прошлый раз, забрались на крышу. Опаснее, конечно, но погода такая замечательная, воздух свежий, запах железа с солярой, который ни в какую не вытравить из нутра техники, здесь практически не чувствовался. Да и грохот железа, которым сопровождался каждый момент работы двигателя на открытом пространстве так не давил на уши. И можно было перекрикивая его, без особого опасения сорвать голос, просто говорить. И Литваков, не успели они отъехать от конторы и пятидесяти метров, начал что-то горячо обсуждать с теми двумя геологами из Всесоюзного научно-исследовательского института нефти, которые прибыли с очень серьёзным заданием от Главка – изучить скважины Мегионского месторождения и на основе собранных данных составить технологическую схему разработки.

Мужики спорили, соглашались и снова высказывали сомнения, забываясь, пытались жестикулировать, но тут же на очередной неровности цеплялись за приваренные поручи, чтобы не слететь с транспорта. О Сергее, кажется, совсем забыли, и он внимательно ловил каждое слово спецов, складывая в своей голове из улавливаемой информации представление о всём месторождении, о людях и тех проблемах, с которыми надо справиться.

– Сергей Константинович, – голос Литвакова выдернул его из некоего состояния оцепенения, в которое чаще всего впадает глубоко размышляющий человек,

– Да?

Вездеход остановился на невысоком берегу очередной небольшой речушки, скорее ручейка с тёмной таёжной водой, настоящей на торфе. Исследователи уже встали в полный рост, потягиваясь, разминая затёкшие от неудобного сидения тела, и довольно улыбались.

– Передохнём немного. Перекусим. А вы так замечтались, что и не заметили, как мы решили сделать привал, – внешне в обычных словах не было ничего обидного, но лёгкая язвительность интонации, такая, с какой старшие товарищи обычно позволяют себе подтрунивать над «малявками», заставила Сергея вспыхнуть и от неловкости ситуации, и от чувства несправедливости в отношении себя.

– Я не замечтался. Я слушал всё, что вы обсуждали. Очень внимательно слушал и обдумывал некоторые проблемы, которые вы назвали, – ответил он почти сердито.

– Да полноте, не стоит обижаться на нас – стариков, – улыбка Литвакова стала ещё больше. – Пойдёмте обедать, а все ваши размышления о проблемах мы потом обязательно обсудим на месте. Вдруг, какая светлая идея пришла к вам, – пообещал главный геолог, спрыгнул на землю и пошёл к кабине. Сергей тоже спрыгнул, сделал несколько приседаний, наклонов вправо, влево – из комплекса традиционной утренней зарядки и тоже потянулся в кабину за авоськой, переданной ему заботливой старой женщиной.

Костерок уже разгорался в метрах десяти от вездехода, облизывая бока закопчённого котелка с водой. Здесь чай действительно варили. В воде плавала небольшая щепоть чайнок, а также листья смородины, пихтовая веточка, горсть черники и чудом обнаруженное соцветие травы иван-чая.

Приезжие геологи уже сноровисто выкладывали на расстеленную газету «Труд» свои припасы. Сергей передал им свою авоську, а сам пошёл посмотреть вокруг что-ни-

будь, что можно было использовать вместо сидений. Навстречу из леса вышел Литваков, с целой охапкой больших хвойных веток.

– Пихта там, – он махнул рукой себе за спину, – вот возьмите топорик, нарубите ещё немного веток. С собой возьмём, а вечером в баньке попаримся с пихтовыми веничками...

Вернувшись к костру с душистой охапкой мягкой хвои, Сергей увидел идиллическую картину – четверо мужиков блаженно полулежали на лапнике и методично синхронно помешивали ложечками чай в своих кружках. Пятая кружка стояла в самом центре газеты, а вокруг неё, выложены в кружок, как лепестки ромашки золотистые оладушки, превращённые в бутерброды – с колбаской, салом, жареным карасиком, с зелёным луком. Видимо шутник достал всё, чтобы разнообразить картину. И лишь на одной оладушке краснела маленькая горка густого варенья.

Сергей замер на мгновение, потом молча, под внимательным взглядом четвёрки, также сделал себе лежанку из веток, прилёг, скопировав всеобщую позу, дотянулся до своей кружки с чаем, кинул туда пару кусочков рафинада и приступил к медленному помешиванию ложечкой.

– Наш человек! – Через минуту мужики не выдержали и расхохотались.

– Ну, с первым выходом в поле, – шутливо чокнулись чаем.

– А у нас есть что и покрепче, – предложил один из гостей. Ответный жест Литвакова и Сергея получился синхронным – не стоит.

– Мы потом, после баньки по чуть-чуть, а пока ещё много сделать надо. Вот доедем, к речникам надо сходить, там какой-то вопрос с «наливнушками» образовался, а резервуары надо освободить. До зимы осталось совсем немного, объяснил свой жест Литваков.

– Я тут краем уха слышал, – вдруг включился в разговор второй исследователь, который также, как и Сергей всю дорогу больше слушал, лишь изредка вставляя свои короткие, но точные замечания, – «Сургутнефть» оказался весьма «щедрым», при создании вашего промысла. – Слово «щедрый» выделил такой недвусмысленной интонацией, что всем сразу было понятно, что настоящей щедростью тут и не пахнет.

– Да им самим не просто, – попытался оправдать сургутян «крепыш». Когда они представлялись, неожиданно заревел двигатель вездехода, и Сергей так толком и не расслышал имена этих людей, а переспросить, уточнить, пока как-то не получилось. Поэтому одного он для себя временно назвал «молчуном», а второго «крепышом» за действительно крепко сбитую фигуру. – Я весь прошлый год мотался по их буровым – от Усть-Балыка до Локосово. Есть ведь здесь нефть, есть! – и снова интонации спора с невидимым оппонентом, который утверждает обратное.

– Конечно есть, – вторил ему Литваков, явно понимая, откуда идёт спор и волна неверия.

– Я имею ввиду огромнейшие залежи, до которых мы пока не добурились, – уже более спокойно, но с той же убеждённостью, произнёс «крепыш».

– И я о том же. Могу даже предложить спор, что найдёт её команда Абазарова, – с той же интонацией сказал Литваков.

– Ты ещё и бригаду назови, – уже совсем успокоившись, со смехом продолжил идею спора собеседник.

– А и назову! – Глаза Литвакова весело блеснули. – Это будет бригада Норкина. Вчера буквально мы вместе с ним прилетели. Внушительный мужик, крепкий очень и,

похоже, невероятно везучий.

– Ну, Григорий Иванович и так своё имя в историю записал – добурился до самой первой нефти в Среднем Приобье, – подхватил беседу «молчун». И до Сергея дошло, что тот самый Григорий Иванович, к которому вчера повернулся Осипов, и есть знаменитый на всю страну буровой мастер Норкин. А ему самому невероятно повезло увидеть легендарную личность в самый первый день в Нижневартовске. И он посчитал это событие самой хорошей приметой. «Может быть и ко мне удача будет благосклонна?» – вдруг подумал молодой человек.

Время обеда закончилось быстро. Затухающий и без того костерок залили водой, собрали всю оставшуюся снедь уже целиком в одну авоську. Сергей сворачивал газету, побывавшую скатертью, и нечаянно зацепился за фразу: «Мегионская нефтеразведочная экспедиция...», хотел было прочитать дальше, но «крепыш» забрал газету из рук, свернул её в несколько раз и, запихав за пазуху, спросил:

– Вы не читали эту статью? Она уже старая, июньская.

– Нет, не попалась на глаза – диплом защищал.

– Ну, потом прочтёте, а то сейчас уже ехать пора, – с улыбкой сказал геолог. – Она о том, что первая баржа с мегионской нефтью отчалила на переработку в Омск.

Вездеход снова медленно полз в направлении конечной точки, немного уходя в сторону от уже пробитой ранее колеи, размешивая гусеницами торфяные кочки с мелким кустарником багульника, и чахлым лесным подростом. Тени деревьев вновь начали удлиняться, день явно перевалил за половину. В остальном, вроде, ничего не изменилось, но только не для Сергея. Станным образом, но после обеденной шутки он почувствовал себя равноправной частью и этой мужской группки, и нового нефтепромыслового управления и всего настоящего Дела в целом – именно так – Дела с большой буквы. И ему было очень хорошо. Его попутчики по большей части молчали, но было в этом молчании не отсутствие мыслей и слов, а общая согласованность единомышленников.

Баграс оказался совсем маленькой деревушкой на берегу одноимённой протоки – не более десятка рубленых небольших домов и с большим количеством техники. Вездеходы, тягачи, «амфибии» – это на берегу, а на воде – целый выводок моторных лодок, катер, две нефтеналивные баржи, готовые под погрузку...

– Осипов зря волновался, – перекикивая гул ещё работающего двигателя, Литваков чуть ли не на ходу спрыгнул с вездехода. – Прибыли! Выгружаемся, – поторопил он своих попутчиков и нырнул ненадолго в кабину. Через пару минут вылез уже со своим рюкзаком, показывая всем пример и в ожидании приостановился на тропинке, которую они сразу и не увидели. – Здесь, по деревне лучше бегать пешком, а то вообще всё разворотим и потом и на технике к домам не подъедем...

Литвакова явно ждали, не успел он договорить, как издали донеслось: «Владимир Уриелевич!» «Сейчас! Минутку!» – он крикнул в ответ и уже нетерпеливо глянул на свою временную команду. Удостоверившись, что все уже готовы со своими вещами, поспешил по тропке к ближайшему дому.

Дом был не на замке, только полено приставлено к входной двери. Зашли, Литваков по-хозяйски прошёл подалее, стянул с плеч рюкзак и примостил его под дальней стенкой, его примеру последовал водитель. «Крепыш», «молчун» и Сергей, которые здесь были впервые, присоединились к ним с небольшой задержкой.

– Сегодня ночуем здесь, – пояснил главный геолог, – а по поводу завтра сейчас пой-

дём и всё выясним. Коля, – обратился он к водителю, – на тебе наш ужин и, по возможности, банька. Через пару часов мы должны вернуться.

Не успели они выйти на улицу, как увидели весьма взволнованного человека, торопившегося к крыльцу им навстречу.

– Что случилось, Александр Павлович? – голос Литвакова стал сухим и холодным, чем окончательно заставил разнервничаться этого человека. Сергей подозревал, что всю глубину натуры старших товарищей сразу не прочтёшь и не поймёшь, но чтобы вот так человек за какое-то мгновение мог измениться, он и не предполагал. Ещё три шага назад от фигуры Литвакова веяло беспокойством и небольшой усталостью, а тут как гранитная глыба выросла – жёсткая и не сдвигаемая. Резкую перемену отметили и коллеги из НИИ. Они с удивлением воззрились сначала на Литвакова, а потом и на виновника столь ярких перемен в настроении человека.

– Там... Там..

– Не мямлите!

– Два бульдозера утопили, – бессильно опустив плечи, произнёс несчастный.

– Кто? Когда? Трактористы живы? – холод из голоса не исчез, но к нему добавились оттенки едва сдерживаемой бури. Сергей и сам ощутил что-то сходное в своей душе, а ещё жуткий страх за людей. Это ЧП, первое в его жизни, но, к сожалению, далеко не единственное, оставило настолько сильный эмоциональный след, что в дальнейшем, каждый раз, когда страдали люди, в его душе всплывал именно этот страх, испытанный сейчас, здесь. Снова вспомнились наставления отца о том, что «самое бесценное, что есть в этом мире – это человеческая жизнь», и страшная судьба дяди Андрея, который раненым попал в фашистский концлагерь для военнопленных на территории Польши, пробыл там до освобождения в сорок пятом, и прожил совсем немного после Победы, всего два года. Ослабленный, измученный организм так и не смог выкарабкаться.

– Барановский жив, а вот Петров, который его спас и пытался вытащить бульдозер, не успел. Утонул вместе с тракторами...

– Да чтоб! – Литваков в сердцах саданул кулаком по бревенчатой стойке, на которой держался козырёк над крыльцом. Материться он не любил, но тут вырвалось. Знал он и Барановского, и Петрова. И если бы болото забрало первого, то такого выплеска и не было. Просто пожалел бы почти опустившегося человека. Очень редко от него не несло запахом спиртного. Обычно это чудо случалось за несколько дней до зарплаты. А вот Ивана Петрова было бесконечно жаль. Совсем пацан, местный из Большого Тархово, даже ещё в армии не отслужил, только вот закончил курсы бульдозеристов после школы. На работу пошёл, чтобы семье помочь, братишка и сестрёнка младшие с матерью остались, а отца – охотника две зимы назад медведь задрал.

– Где Барановский?

– В медпункте. Отсыпается...

– Он ещё и отсыпается?! – взревел, как раненый зверь, Литваков, рванул было к медпункту, но резко остановился. – Участкового вызвали? Давно?

– Да всё произошло не больше часа назад, – заспешил с рассказом Александр Павлович, – в милицию дозвонились пятнадцать минут как. Пообещали прибыть завтра. Барановского потребовали продержат в медпункте...

– Ясно. В медпункте... Да его в холодную надо, чтобы протрезвел скорее, – морально не согласился с требованиями органов порядка. И снова выплеснул чувства. – А сам, сам-то где был?! – Ярость в голосе снова окрепла.

– Да у речников, баржи встречал, – вдруг обидевшись, чуть ли не закричал Александр Павлович. – Я с речников неделю не слазил, между прочим, выполнял ваше же поручение...

– Извини, Александр Павлович. Но это происшествие... такое нелепое... такое глупое... И мальчишку безумно жаль. Надо подумать, как помочь его семье теперь. А с Барановским я сам поговорю завтра утром, надеюсь, успею до прибытия участкового...

Они, наконец, вышли со двора и направились к берегу. Здесь встретились с капитанами «наливнушек», обговорили все планы по погрузке. О «ЧП» не было сказано ни слова, но по глазам речников было видно, что они в курсе и очень сочувствуют главному геологу, которому волею судьбы придётся разбираться и с этой проблемой, так как он здесь представлял в своём лице всё руководство управления. По ходу нашли и договорились с рыбаком – владельцем частной моторной лодки, о том, чтобы доставить завтра с утра командированных от НИИ геологов на самую отдалённую буровую. Сергея, заикнувшегося было о том, что и он тоже не прочь побывать на той, отдалённой буровой, одёрнул Литваков, чётко обозначил его место. «Эту поездку вы, Сергей Константинович, всюду следуете за мной – наблюдаете, слушаете, учитесь. А по вечерам будем обсуждать ваши наблюдения, и пояснил, отвечая на недоумённый вопрос в глазах, – у вас ещё свежий взгляд на всё, тем более вы только с институтской скамьи, а там быстрее делятся новшествами. Вот и попробуем поискать пользу от ваших теоретических знаний, а в ответ вы получите практические». И Сергей согласился.

В дом они вернулись не через два часа, как планировали, а через четыре. Уже совсем стемнело. Николай, оставленный на хозяйстве, не волновался, только пробурчал: «Долго же вы. Всё уже остыло, да и банька, наверное, тоже». Помылись и даже попарились, но ожидаемого удовольствия не получили. Даже засыпая, своим внутренним взглядом Сергей всё видел чёрное бездонное око небольшого водяного просвета среди буро-зелёного бесконечного поля болота, куда ухнули два бульдозера. И как капли крови – рассыпанные по кочкам ягоды клюквы. Кровь вроде и не пролилась, а человеческой жизни нету, как будто недра взяли дань чистой и неиспорченной душой за проникновение человека в святая святых Земли.